

ЭКО И ГУМБРЕХТ: ЧЕМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ (ВСЯКИЙ) ПОСТМОДЕРНИЗМ ИЛИ ОТ НАИВНОГО К СЕРЬЕЗНОМУ И ОБРАТНО

В данной статье предпринимается попытка использовать определенный показ феномена наивности как концептуальное средство маркировки некоторых онтологических значений человеческого присутствия, обменов между этими значениями в горизонте сдвига от ситуации модерна к ситуации постмодерна. Одновременно, названное рассмотрение феномена наивности, как показывается в статье, открывает специфическую перспективу взгляда на отношение модернизма и постмодернизма, а так же указывает на возможное будущее постмодернистского присутствия.

Ключевые слова: событие, открытие наивности, утрата наивности, классика, модерн, постмодерн.

У даній статті здійснюється спроба використати певний показ феномену наївності як концептуальний засіб маркування деяких онтологічних значень людської присутності, обміну між цими значеннями в обрії зсуву від ситуації модерна до ситуації постмодерна. Одночасно, названий розгляд феномену наївності, як показується у статті, відкриває специфічну перспективу погляду на відношення модернізму та постмодернізму, а також вказує на можливе майбутнє постмодерністської присутності.

Ключові слова: подія, відкриття наївності, втрата наївності, класика, модерн, постмодерн.

In this article attempt is undertaken to use certain exhibiting a naivety phenomenon as conceptual means of marks of some ontologic values of human presence, of exchanges between these values in horizon of displacement from a modern situation to a postmodern situation. Simultaneously, the named consideration of a phenomenon of naivety, as it is shown in article, opens specific prospect of a sight at the modernism and postmodernism relation, and as specifies in the possible future of postmodernist presence.

Keywords: event, naivety opening, loss of naivety, a classic, a modern, a postmodern.

Этот текст возник, как это, вероятно, всегда бывает, по воле случая. Случай заключался в следующем. В течение довольно короткого промежутка времени (определенного, по-видимому, тем, как долго мы можем помнить подуманную мысль так, чтобы ее еще можно было думать, т.е. так, чтобы она все еще оставалась нашей живой мыслью, а не воспоминанием о мысли) мне встретились два упоминания о наивности. Почему это оказалось таким привлекательным для меня? Во-первых, потому что оба упоминания принадлежали значительным мыслителям современности (это были У. Эко и Х.У. Гумбрехт), чей опыт мысли имеет высокую пробу (а мысль, тем более, хорошая мысль – товар дорогой, особенно сегодня) и, кроме того (личное обстоятельство), хорошо конвертируется в мои собственные попытки произвести хоть какую-то мысль. А во-вторых, в обоих упоминаниях (одним из которых – гумбрехтовским, кстати сказать, была известная книга о 1926-м годе [1], взятая вся целиком) наивность, как мне показалось, не фигурировала в качестве просто слова «естественного языка», наделенного общепринятым и (потому всегда, так сказать, батардным) значением. Между тем, с другой стороны, они не представляли наивность как тематизацию, как выделенный предмет теоретической разработки, здесь не было ничего, относящегося к некоторой «теории наивности».

Возникла неуловимая интуиция, что «наивность» не обозначает здесь себя, забывает себя, *у-бывает* для чего-то другого, не сопоставимо более значимого. Позднее постепенно созрела уверенность, что и в том и в другом случае речь идет о присутствии, о возможностях человеку иметь место, значение, слово. О том, способны ли мы на событие. Еще позднее очертились контуры идеи, что можно попытаться (если не исполнить попытку, то хотя бы открыть соответствующее начинание) сделать из «наивности» своего рода *концептуальный идентификатор* нынешней ситуации и возможности присутствия, ибо в пространстве названных опытов работы с «наивностью», Эко и Гумбрехта, последняя, как мне все яснее виделось, обнаруживала заметную потенцированность в отношении такой идентификации.

Возможность мочь хоть что-нибудь сказать о присутствии, иметь шанс хоть как-то указать на строй события в философии всегда стоила дорого. И я, конечно, не мог устоять

против искушения попытаться, осознав, что, возможно, мне представилась именно такая возможность. Использовать определенный показ феномена наивности как средство маркировки того, что происходит с нашей возможностью быть – так можно выразить содержание данной попытки. В самом деле, насколько наше все (ли) еще постмодернистское присутствие, выводящее себя (правда, все с меньшей уверенностью) из падения всех классических метанарративов, из смерти всех субъектов, из конца всех философий, далеко от собственного конца? И что за этим следует?

Слово «наивность», узнаем мы от М. Фасмера [3, с. 39], происходит из французского naïf, naïve и далаае, от лат. nāivus «природный, естественный». В русском языке оно обладает богатой синонимией и коннотативностью.

Я выделяю два ряда значений.

«Наивный» означает «обнаруживающий неосведомленность, неопытность», «младенческий» (в отношении опыта и эрудиции), «легковерный», «доверчивый», и еще, «простой» в смысле «простачности, простячковости», «недалекий», «провинциальный», и далее, «недогадливый», «глуповатый», даже «глупый». Сегодня, во время повсеместной о-по-средственности, симулякров и фрактального размножения вещей это почти уже «слабоумный», располагающийся ниже уровня жизни.

Однако «наивный» можно прочесть как «настоящий», «неподдельный» (сообразно первичному значению); это и «простой» в смысле «оригинальности», в смысле той простоты, какой просты начала, какой обеспечено всякое беспредпосылочное движение (и привлекательный этой простотой – так у Вл. Даля); в этом ряду сходятся «прямой», в смысле однозначности хода, способности *держатъ путь*, в который пустился и «младенческий» в ницшеанском смысле чистого «да» играющего ребенка; рядом также «невинный» id est не искусственный жизнью как ... симуляцией.

Мы должны держать в фокусе нашего внимания оба эти ряда, из которых «наивность» происходит как свойство, образованное по прилагательному.

Эко определяет постмодерн как время утраты наивности. Постмодернизм, соответственно, оказывается набором способов и техник мочь что-нибудь сказать (или сделать) *серьезно* во время утраты наивности [5, с. 227-228]. Что значит производство *серьезного*? Это производство события. Событие – это всегда серьезно! Событие совсем не означает отсутствие (чувства) юмора! Но событие серьезно в смысле напряженности и напряжения; это *предельно высокое напряжение*; это предельные плотности энергии; это последний счет: в производстве события рискуют всем. Это значит, не принимаются отводы, не предоставляется отпусков или убежищ. Это значит, невозможна вообще никакая метапозиция. Не существует никакого метаместа. В производстве события нельзя стоять в стороне; в производстве события нельзя быть «над схваткой». Событие, это когда существование необходимо и достаточно: есть и только есть. Здесь – все серьезно! Здесь решаются на стирание всех определенностей, на утрату всяких опор, на потерю всякой памяти. Это твердо знают физики: когда вселенная рождается, все величины предельны (см., напр.: [6]).

Между тем, классическое также определяют по признаку серьезности. Всем известно, что классика – дело серьезное. Всякая классика очень серьезна. Никто не видел веселой, игривой, легкомысленной и беззаботной классики. Зубоскалящая, ухмыляющаяся, ужимчивая, обезьянничаящая классика это определение пошлости. Например, книги о классическом «Для чайников» – это пошлость. «Ницше за 90 минут» – это пошлость. Ниндзя-черепашки, которых зовут Леонардо, Микеланджело, Рафаэль и Донателло – это пошлость.

Но модерн не противостоит пошлости как таковой. Пошлость, во-первых, слишком мелка для силы, какой обладает модерн. И во-вторых, она производна. Как раз от того, что модерн намечает целью для поражения.

Модерн – время разрушения классического. Модернизм – предприятие, движущий мотив которого – разрушение «классической образности» [5, с. 228]. Здесь Умберто Эко дает вступить *наивности*. Почему модерн определен тем, что разрушает классическое прошлое? Потому что он не хочет быть наивным наивностью, которая продуцируется классическим произведением как *свершением* (т.е., исполненным свершившимся). Есть простая интенсивность или интенсивная простота классического усилия in actio. И есть таковые, взятые post factum свершения/завершения этого усилия. А post factum этого усилия уже ничего, совершенно ничего не может случиться. Все завершено. И ничего не может быть превышено!

Мы имеем дело с событием. Но мы не можем *быть ему верными* (как сказал бы А. Бадью). Почему? Потому что событие произошло. А событие есть таковое только, когда *происходит*. Оно «из-бывает-ся» в настоящем, в миге локального совершенства и так выполняет одновременно свое онтологическое определение и свое онтологическое призвание. Азартные игроки знают, что высшая точка того особого, «нездешнего», иррационального, неизъяснимого, дьявольского удовольствия, какое испытывают в игре – в последнюю очередь от выигрыша! Но оно и не от убийственно крупного проигрыша (когда все стропы мироздания обрушены, и ты, конечно, должен умереть; но тут ты картезиански застаешь себя... в живых). Оно располагается в кратком взоре между моментом, когда кости брошены и моментом, когда они остановились, «пока кости пляшут по столу» – говорят они. Как не вспомнить делезовский Единственный бросок костей?

Модерн возникает только при выполнении обоих условий. Позади – классика (она, как таковая, обеспечена событием). Но она нас больше не возбуждает в качестве существующих и живых. Она более *не «задевает нас за живое»*. Дело происходит так, как в одном занятном анекдоте. Человек попадает во внутренний двор Кремля [* 1] и видит среди разнообразных зеленых насаждений участок, занятый *cannabis sativa* [* 2]. Человек удивляется, но вскоре замечает вкопанную здесь же табличку с надписью следующего содержания: «Во исполнение постановления Госдумы (№ такой-то и такой-то) эта конопля официально не «забирает»». Онтологическое содержание модерна *реакционно*. Он есть реакция на то, что свершившееся подменяет происходящее, или ведет себя так, как будто происходящее излишне, избыточно в экономии жизни – во всяком случае, хочет занять место происходящего, т.е., события.

Так модернизм (как предприятие) обнаруживает идентичность чистого *санитарного акта*, честно и энергично локализирующего и уничтожающего вредное для жизни во имя будущего живого (при том, что первое признано и обладает внушительной порцией респектабельности, а второе – неопределенно, туманно и относится скорее к области доброй надежды, нежели фактического наличия).

Не можем ли мы тогда провести линию связи события, классики и наивности следующим образом. Всякая классика *наивна*, но она об этом *не знает*. Наивность – необходимая, действующая составляющая всякой классики. Наивность присутствует в производстве события как максимальная мощь хода, простого и чистого. Но она *имплицитна* в таком производстве.

И она же есть исполненность, образцовость классического произведения, когда все сказано и к сказанному добавить нечего. И как таковая, наивность оказывается *утраченной*. Именно *так* ее *открывает* модернизм.

То, где ничего не случится, то, чему нельзя быть верным, должно быть разрушено. Модернизм так и делает: «от Девушек из Авиньона до абстракции, до бесформенности, до чистого холста, до изодранного холста, до выжженного холста» [5, с. 228].

Наивность классики открыта, (это значит, что) наивность утрачена. Всякий модернизм – это машина *эксплицирующей утраты* наивности соответствующей ему классики.

Открытие наивности происходит *имплицитивно* как утрата наивности. И наоборот, утрата наивности непосредственно есть открытие, некое «экспоненциальное» или «инфляционное» (выражаясь физико-космологически) распаивание, раздувание меры и пространства очевидности того факта, что классический опыт, результаты и перспективы теперь наивны. Неразличимость открытия и утраты классической наивности – определяющая фигура модерна.

Модерн есть фактичность следующего: классика была обеспечена наивностью, но теперь наивность утрачена; мы больше не наивны классически. Из классически наивных мы стали «модерно» искушенными, и классическое должно быть рассеяно до небытия. Модерн как факт (как акт) держит вместе необходимость изначальной простоты производства события, которое, как таковое – классично, и завершенность «события» в «классику». И это у-держание происходит как утрата наивности, поскольку «событие» наивностью располагает, а «классика» – наивна. Формула модерна такова: открытие наивности («события») как утрата наивности («классики»).

Но модерн это также время, когда имплицитная производящая наивность нового событийного предприятия недоступна и невозможна.

Постмодерн – время хорошей мины при плохой игре.

Это время, когда модернистский дух, дух открывающего изобличения (справедливо и «изобличающего открытия») наивности, падает. «...Наступает момент, когда авангарду (модернизму) некуда уже идти. ...Ответ постмодернизма модернизму состоит в признании прошлого: раз его нельзя разрушить, ведь тогда мы доходим до полного молчания, его нужно пересмотреть – иронично, без наивности» [5, с. 228]. Постмодернизм чтит классическое прошлое, имеет к нему вкус, он его ангажирует, он с ним играет. И он точно знает, что жизнь классическим свершением «напрямую» – наивная затея.

Но не обнаруживает ли таким образом постмодернизм (может быть, всякий постмодернизм) вакуум события, пустоту там, где должно производиться события; не есть ли *он сам* это пустование всех мест производства события, производства, которое по необходимости и по определению *наивно*, т.е., незатейливо, бесхитростно, чисто и просто произносит свое «да» и предлагает свое «так».

Здесь в дверь уже стучится Ханс Ульрих Гумбрехт. Гумбрехтовское упоминание о наивности отличается от эковского не только так, как отличается книга от заметок. В отличии от так или иначе дискурсивного упоминания У. Эко, слово Х. У. Гумбрехта почти *актуально*. Т.е., фактически высказывание о наивности само является актом наивности, попыткой «наивствования». Поводом же («случаем мысли» по Делезу), выступает вся «нынешняя интеллектуальная среда, где старинные убеждения, позиции и школы блекнут, а новых убеждений, позиций и школ как-то не появляется на горизонте» [2, с. 13].

Гумбрехт уже не хочет быть аллюзией в бесконечном ряду аллюзий на бесконечный ряд аллюзий. Он не согласен на смешение всех ценностей и областей при вируслогически неемном размножении подобий.

Он против того, что «ничего не появляется на горизонте». Он хочет иметь место; он хочет занять свое место; он «считает нужным выделить в интеллектуальном пространстве культуры, контуры которого сегодня странно размыты, определенное место для своего сугубо личного выступления» [2, с. 13]. И для этого он сохраняет «некоторую наивность».

Выводы. Мы хотим быть серьезными. Мы хотим (быть достойными нашего возможного) события. Но классика для нас, (все еще) живущих в ситуации постмодерна, наивна. Мы давно утратили наивность. Мы не можем больше относиться к классическому наследию серьезно.

Но мы (в приведении к *несокрытости* этого можно видеть смысл и предназначение постмодерна) сами не способны на что-либо сингулярно серьезное. На *собственно серьезное*. Нам недоступна, непомерно тяжела и тягостна чистая наивность события, с которой можно мочь начать...

Умберто Эко характеризует постмодерн тем, что в нем мы «принимаем вызов прошлого», уже кем-то сказанного/сделанного. Какого рода вызов?

Вызов может сделать только то, что с-былось, то, что имманентно связано с событием. Поэтому классическое прошлое способно на вызов. Мы, разумеется, можем не принимать вызов. Но что же тогда нам остается?! С одной стороны, в любом случае прошлое это то, что теперь нельзя уничтожить, ибо прошлое в акции модернистского *reductio ad absurdum* стало наивным. С другой стороны, больше у нас ничего нет! Ибо с нами самими *ничего не происходит*. Ибо мы... устали. Мы не можем больше выдержать прямых и предельно спрошенных вопросов о себе. В самом деле, присутствуем ли мы? Знаем ли мы? Любим ли мы? И что означают эти вещи?

И мы вместе с Эко исповедуем «метаречвую игру, иронию, пересказ в квадрате», делая умное лицо, чтобы во время утраты всех наивностей хоть как-нибудь объясниться в любви [5, с. 228]. И вместе с Гумбрехтом хотим уже быть хоть немного наивными.

* 1. То обстоятельство, что речь идет о Кремле, разумеется, не имеет никакого специального значения или подтекста. Здесь можно было бы сказать «на Капитолийском холме» или на площади Тяньаньмэнь. Просто в этом анекдоте, как я его слышал, упоминался именно Кремль.

* 2. Научное название конопли посевной или конопли индийской. Это культурное растение имеет множество полезных применений, но более всего известно тем, что является сырьем для производства наркотиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбрехт Х.У. 1926: На острие времени / Ханс Ульрих Гумбрехт. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 568 с.
2. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия. Чего не может передать значение / Ханс Ульрих Гумбрехт. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 184 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. /М. Фасмер; [пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева]. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 3: (Муза-Сят). – 83 с.
4. Гумбрехт Х.У. Я люблю делать неожиданные вещи / Ханс Ульрих Гумбрехт // Книжное обозрение. – 2006.
5. Эко У. Постмодернизм, ирония, удовольствие / У. Эко // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. – М. : Прогресс, 1986. – С. 227-229.
6. Vilenkin A. Many world in one: the search for other universes / A. Vilenkin. – New York : Hill and Wang, 2006. – 235 p.